

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ КАФЕДРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НИУ ВШЭ

Симон Кордонский, Юрий Плюснин

Симон Кордонский – ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления, департамент государственного и муниципального управления, факультет социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. kordonsky@hse.ru.

Юрий Плюснин – профессор кафедры местного самоуправления, департамент государственного и муниципального управления, факультет социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия. jplusnin@hse.ru.

В форме ответов на вопросы редколлегии журнала *Laboratorium* представлен десятилетний опыт организации и проведения полевых учебных исследований студентов. Специфика таких полевых практик-экспедиций определяется целями описания феноменологии повседневной жизни провинциальных обществ и управления ею на государственном и местном уровнях. Методологически учебные экспедиции основываются на качественных социологических исследованиях с применением методов непосредственного («наивного») наблюдения и описания элементов местной общественной жизни, неструктурированных интервью и ситуативных беседах с местными жителями.

Авторы описывают пять видов полевых практик-экспедиций, разработанных ими в процессе обучения студентов: (1) выездные семинары в рамках учебного курса в специалитете и бакалавриате; (2) полевые исследования в рамках учебных ознакомительных практик; (3) выездные семинары в рамках научно-исследовательского семинара в магистратуре; (4) летние школы-экспедиции; (5) собственно исследовательские социологические экспедиции.

Ключевые слова: учебно-исследовательская экспедиция; полевые практики; феноменология повседневности; местные сообщества; местное самоуправление

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Идея проведения выездных полевых исследований как бы и не возникала, она присутствовала в нашем сознании имманентно. Дело в том, что оба автора по первому образованию – биологи-полевики, со студенческих лет привыкшие к такой

форме обучения в классическом университете. Студенты многих факультетов в таком университете – от геологов и биологов до археологов и филологов – не только каждое лето ездили (кое-где и теперь ездят) не в стройотряды, а на учебные полевые практики, но и принимают участие в реальных полевых исследованиях своих преподавателей.

Поэтому когда в Вышке на факультете государственного и муниципального управления в апреле 2005 года была создана кафедра местного самоуправления, и мы на ходу включились в учебный процесс, нам сразу стало очевидно, что чего-то недостает в академическом обучении. Того, что необходимо будущему управленцу для приобретения реальных навыков и умений, – непосредственного знакомства с социальной реальностью. Чтобы как-то восполнить этот пробел (хотя тогда он никем таковым не считался), один из нас (С.Г. Кордонский) предложил необычный курс под загадочным названием «Феноменология муниципальных образований», уже само название которого вызвало нарекания и кривотолки у многих преподавателей на факультете. В рамках этого курса и планировалось осуществление учебных практик. Денег, однако, на выездные практики университета не выделял (тогда об этом и не думали), а студенты оплачивать сами свои поездки вовсе не хотели. Поэтому для начала в качестве семинаров ограничились походами на вещевые рынки Москвы, на свалки и кладбища, в администрации ближних муниципалитетов.

Однако вскоре нам подвезло: Вышка включилась в новый министерский проект «Инновационная образовательная программа», и в рамках ее реализации возникла инициатива создания научно-учебных лабораторий (НУЛ). Мы сразу откликнулись на эту идею и к концу июня 2006 года на базе кафедры сформировали лабораторию муниципального управления. Целью такой НУЛ были исследования провинциальных местных сообществ и организации системы муниципального управления в них. Тогда в состав лаборатории вошли пять профессоров кафедры, пять кандидатов наук и 15 студентов старших курсов факультета, а также более 40 младших студентов-добровольцев, пожелавших участвовать в выездных исследованиях (теперь активная часть лаборатории существенно меньше). Лаборатория получила достаточно хорошее финансирование (правда, в основном только на жалование сотрудникам и небольшие суммы на командировочные расходы); в дополнение к этому мы смогли найти внешние источники финансирования, и полученные от них деньги могли быть полностью потрачены на поездки.

К началу следующего учебного года, в конце октября 2006-го, мы смогли организовать первый выезд студентов для изучения реальной муниципальной жизни. Выезд был пробный, потому поехали за собственный счет, недалеко и ненадолго: в город Суворов в Калужской области, на два дня, на своих автомобилях. Программа, правда, была составлена фундаментальная, из шести пунктов, с визитом к главе района, на крупные предприятия города и в музеи. Поехать решились всего трое студентов с двумя преподавателями. Успеть увидеть все, конечно, не удалось, но удалось главное: студенты впечатлились социальной реальностью. И, несмотря на очевидные организационные огрехи, мы увидели, что такие выездные практики необходимы даже для «книжных менеджеров», каковых по большей

части и готовили в Вышке. Вскоре последовала небольшая поездка в Дубну Московской области, куда вывезли всего одного студента, а затем уже группой из восьми человек под руководством профессора кафедры Елены Сергеевны Шоминной отправились в город Дзержинский Московской области, но тоже на один день.

Поскольку эти первые выезды были пробными, мы считаем действительно первой исследовательской поездкой наш выезд в город Зуевку в Кировской области в ноябре–декабре 2006 года, а затем и в марте 2007-го. В первой поездке шестеро студентов под руководством С.Г. Кордонского приехали в Зуевку в начале зимы на целую неделю. Было очень холодно, а студентам в течение всего дня необходимо было передвигаться пешком по городу, вести наблюдения, посещать учреждения, опрашивать представителей местной власти и служащих. Условия для студентов оказались достаточно суровыми. Не лучшими были и погодные условия в марте, разве что потеплее, зато улицы и дороги развезло, на дорогах вместо снега появились непроходимые колеи. Жили в гостинице на окраине города, транспорта не было, общественным не пользовались, изредка администрация предоставляла свой для разъездов по району. Обедать приходилось в единственной в городе столовой на вокзале, завтраки и ужины устраивали в номерах. Но бытовые неурядицы и холод не подавили азарта студентов, и во вторую поездку отправилось уже одиннадцать студентов – вся студенческая часть кафедры на тот момент.

К практическим сложностям, которые есть всегда при организации таких полевых мероприятий, мы, как старые полевики, относились и относимся вполне стоически. Студенты, подбадриваемые и подзуживаемые нами и друг другом в таких поездках, переносят трудности, наверное, даже легче нас.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

Эволюция наших учебных полевых исследований за почти десятилетний период интересна даже для нас самих. Во-первых, она ни в коей мере не была заранее спланированной. Во-вторых, она оказалась в сильной степени диверсифицированной. В-третьих, масштаб полевых работ значительно превзошел наши ожидания.

В то же время все имеющееся на сегодня тематическое многообразие экспедиций объединено методологически и концептуально. Это всегда и постоянно качественные исследования феноменологии российской общественной жизни «малых форм», на уровне местных сообществ, в малых городах, в сельской местности. Много реже исследования и учебные практики проходят в крупных или даже средних городах. Это обусловлено нашей эмпирически сложившейся установкой, в соответствии с которой «социальные шумы» крупного города не позволяют увидеть многое из того, что явно присутствует в малом местном обществе – базовые структурные элементы и социальные отношения – и здесь они могут быть с большей легкостью выявлены, описаны и объяснены студентам «в натуре».

Далее, феноменология местных обществ фиксируется (описывается) начинающими исследователями методами «наивного наблюдения» – простого, намеренно неконцептуализированного описания наблюдаемых на месте общественных явлений, лишь впоследствии, уже с помощью преподавателя, превращаемых в социальные факты. На первый взгляд, это обычное бытописание с использованием дневников, в которых записи о том, что сегодня студент видел интересного, перемежаются отчетами о себе, о том, что автор дневника ел и как он спал. Студенты учатся наблюдать – видеть и слышать, но не оценивать и интерпретировать. Первое, чему мы учим студентов – осознанно избавляться от невольных и вольных интерпретаций увиденного. Это трудно на первых порах, но со временем некоторые – далеко не все – научаются такому наивному наблюдению и избавляются от груза оценочных описаний, столь характерных не только для обычного человека, но даже и для ученых-социологов. Поэтому на первых этапах работы мы изредка еще использовали стандартные количественные методы социологического исследования, но все последнее время старательно избегаем их, будучи убеждены в том, что анкетный опрос «затуманивает» взгляд, и исследователь, вместо того чтобы видеть реальную жизнь и реальных людей, в конечном счете изучает соотношение чисел и калькулирует цифирь.

Когда мы только начинали нашу полевую практику и экспедиции со студентами, мы отталкивались от опыта наших собственных, к тому времени весьма длительных – 30 и 40 лет – полевых социологических исследований. Понимая, сколь многообразна и сложна реальность, насколько жизнь «в реальности» отлична от того, что «на самом деле», мы предполагали максимально ограничить для студентов «видимый сектор» общественной жизни, с тем, чтобы облегчить их первые исследовательские шаги. Поэтому вначале мы водили их на городские рынки, чтобы они с нашей помощью увидели новым взглядом и попытались описать суету простых «обменных» отношений. Мы водили их на городские свалки и заставляли подсчитывать плотность мусорных баков на улицах города, чтобы они научились описывать зримые результаты повседневного поведения, а через них – и типичные формы взаимодействий людей. Мы водили их на кладбища, чтобы они могли ощутить тотальность сословной структуры общества, требующей и при отправке в вечность располагать покойников по рангам и цехам. Мы водили их в администрации и присутственные места, чтобы они могли убеждаться, насколько компетентно занимаются люди делами управления самих собою.

Однако вскоре мы решили, что наблюдение отдельных составляющих общественной жизни надо вести на более широком поле, в контексте всей жизни местного общества, лишь специально выделяя эти составляющие. Мы отошли от практики знакомства студентов с общественными институтами в течение нескольких часов, а принялись «погружать» их в чуждую жизнь на дни и недели. Сразу и как бы между прочим выявился любопытный факт: многие студенты гораздо лучше знали «киношную» и «заморскую» жизнь, чем российскую, вроде бы родную. В каждой первой поездке всегда находятся студенты, испытывающие «мировоззренческий шок»: та реальность, с которой они столкнулись, совсем не соответствует полученным в течение «тепличной виртуальной жизни» представлениям.

Некоторые студенты неспособны справиться с этим, «перестроить сознание», в результате они отказываются от такой формы изучения и освоения реальности. Другие с трудом и лишь внешне адаптируются к ней. Только немногие – по нашим оценкам группы, состоящей примерно из 300 студентов, лишь около одной десятой – научаются смотреть и видеть, слышать и слушать, осваивают метод безоценочного описания, становятся непредвзятыми исследователями, умеющими избежать поспешных интерпретаций и наклеивания ярлыков.

Перейдя к практике учебного «погружения» в реальную общественную жизнь, мы очень скоро диверсифицировали поездки тематически и географически. К настоящему времени сложилось пять направлений полевых исследований, концептуально и методологически сходных, но различающихся тематически, по учебным целям и организационно.

Первым видом выездных исследований стали *полевые семинары*, проводившиеся в рамках отдельных учебных курсов преподавателей кафедры местного самоуправления. Это была одна из форм практического освоения учебной дисциплины. Первым из таких курсов была «Феноменология муниципальных образований» С.Г. Кордонского. Скоро подобные выездные семинары стали устраивать почти все преподаватели кафедры – профессора П.А. Ореховский, А.Л. Хазин, Е.С. Шомина, Ю.М. Плюснин. Практически в рамках каждого курса кафедры (и обязательного, и по выбору) мы отправлялись со студентами в самых разных направлениях – от Дубны и Дзержинского до Калининграда и Барнаула – с целью провести семинары и практические занятия по своему курсу непосредственно на месте: в зале заседаний депутатов городской думы во время их очередного собрания или в ночном кафе во время танцев местной молодежи, в молельном доме кировских христиан-баптистов или в башкирской мечети, в трапезной костромского монастыря или на руинах атомной электростанции, в гостевом доме владимирских родноверов-анастасиевцев или на капище подмосковных язычников, в коровнике алтайского фермера или в городском музее во время заседания литературно-поэтического клуба. Места всегда разнообразны; это впечатляет студента и просветляет его сознание, затуманенное книжным знанием. Такие семинары даром для него не проходят, на всю жизнь он запоминает прослушанный им курс. Если прикинуть количество выездных семинаров, проведенных всеми нами на кафедре за девять лет обучения, то на круг выходит более 40 поездок в рамках семи основных дисциплин, читавшихся в разное время на кафедре пятью профессорами. Каждый из нас провел от трех до 15 таких выездных семинаров.

Практически сразу же за этой формой полевого обучения мы разработали следующую – *учебные ознакомительные практики в полевых условиях*. Как известно, студенты обязательно должны пройти различные виды практик, от двух до трех за весь период обучения. Однако в большинстве случаев отношение к практикам и у студентов и у преподавателей не соответствует их реальному значению. Хорошо известно, что многие манкируют этой формой обучения, студенты нередко используют время практик для туристических прогулок «за морем» или нежатся у мамы дома. Мы решили иначе: студенты, специализирующиеся на кафедре, должны проходить практику по-настоящему. Здесь мы просто соединили

наш собственный студенческий опыт биологических практик с организацией учебного стационара. Один из нас (Ю.М. Плюснин), выполняя некоторое время обязанности заместителя декана факультета по учебной работе, поддержал инициативу бывшего декана факультета государственного и муниципального управления ВШЭ профессора А.Г. Барабашева практическими действиями: в Костромской области в Угорском сельском поселении построил полевой учебный стационар в деревне Медведево. Руководство факультета выделило для постройки необходимые финансовые средства. Возведенный дом северного русского типа был приспособлен для учебных целей: помимо теплой избы построена обширная веранда-аудитория на сотню посадочных мест, а чердак приспособлен под спальные места, в двух чердачных помещениях могут располагаться до полусотни студентов. Строительство стационара продолжалось с 2007 года и только недавно закончено, но все это время студенты ездили сюда на практики, хотя и жили чаще в деревенском доме преподавателя, специально для этого купленном. Использование Угорского учебного муниципального стационара имеет несколько образовательных целей. Помимо того, что студенты погружаются в сельскую жизнь не как дачники, а как наблюдатели-исследователи, и потому получают намного более глубокое впечатление, они вынуждены изучать провинциальную культурную жизнь, местную экономику и социальную специфику. Изучая муниципальное управление, студенты непосредственно знакомятся с практикой такого управления: они ежедневно приходят в администрации городских и сельских поселений, в район и округ, встречаются с главами поселений, мэрами и сити-менеджерами, с муниципальными служащими. Местные руководители устраивают для них специальные мастер-классы, они участвуют в заседаниях местных депутатов, в сходах жителей и общих собраниях. Помимо этой обязательной части студенты выполняют еще одну важную работу: каждый из них собирает эмпирический материал для своей курсовой работы или диплома. Тем самым они приобретают первый опыт самостоятельной исследовательской работы. Студенты, живя в относительной изоляции в стационаре, заняты работой целый день, а по утрам и вечерам преподаватель проводит с ними семинары, где обсуждается увиденное каждым, полученные материалы, где каждый имеет возможность апробировать свое курсовое исследование. Помимо очевидных учебных целей таких практик, по их результатам проявляются и иные следствия: студенты научаются новому быту, новым практикам взаимодействия, быстро формируется крепкий коллектив. Любопытно, что практически все студенты в дневниках практик отмечают в качестве важного для себя достижения приобретенное умение преодолевать страх и вступать в контакт с незнакомыми людьми. Они, таким образом, учатся здесь настоящему, не виртуальному общению. Учебные ознакомительные практики в Угорском стационаре проводятся с 2008 года; каждый год 10–20 (и более) студентов в течение недели живут в типичных полевых условиях, обычно в палатках, сами готовят еду, ездят в соседние деревни, села и городки, учатся практике управления на чужом пока примере, изучают низовые социальные институты, наблюдают местную жизнь, а ночами устраивают романтические и музыкальные вечера под неусыпным надзором преподавателя.

Третьей формой выездных занятий стали для нас *летние школы*, которые скоро преобразовались в полноценные экспедиции. В отличие от учебных практик, финансирование которых брал на себя факультет, летние школы финансирует центральный бюджет университета. Эта форма работы приобрела широкое распространение в университете в 2010 году. Такие школы-экспедиции устраивает не кафедра, а ассоциированная с ней Лаборатория муниципального управления НИУ ВШЭ (руководитель – профессор С.Г. Кордонский). За пять лет проведено уже восемь школ-экспедиций; некоторые из них прошли в крупных городах, региональных центрах – Перми, Пскове, Новосибирском Академгородке. Другие – в приближенных к полевым условиях – в Башкирии, третьи – в сугубо полевых условиях, в палатках с кострами – в Алтайском крае и Горном Алтае, на Терском берегу Белого моря. Тематика каждый год разная, но связующей сквозной темой является система местного самоуправления, реализуемая в разных условиях на разных территориях. Школы-экспедиции продолжаются около двух недель. Ездят студенты разных факультетов, от 15 и до 35 человек. Сопровождают их обычно несколько преподавателей, секретарь кафедры Лариса Германовна Романова и наши аспиранты. Студентов обучают вести самостоятельное полевое исследование, они осваивают «качественную» методологию. Помимо материалов, собираемых для курсовых и диссертаций, экспедиции добавляют новые массивы в базу данных лаборатории. Помимо исследовательских и учебных целей, мы преследуем здесь цель познакомить студентов с многообразием форм местной общественной, экономической и культурной жизни, с разнообразием природных и культурных ландшафтов. И то и другое, оказывается, студенты знают очень плохо, и всякий раз мы обнаруживаем, что требуются обширные ознакомительные лекции едва ли не по каждому аспекту местной жизни; знания, полученные из интернета, явно недостаточны. Важная особенность летних школ-экспедиций – разнообразие учебных форм и массированность обучающего воздействия. Каждый день у студентов один-два мастер-класса местных управленцев, предпринимателей, деятелей культуры, ежедневно они должны выполнить какую-то учебную исследовательскую задачу, а по ее результатам преподаватели проводят вечерние семинары. Наконец, такие летние школы – это и освоение новых способов бытования, и прекрасный отдых. Многие студенты только здесь научаются ночевать в палатках, готовить на костре, проводить время не в помещении, а под открытым небом; они получают возможность увидеть такие новые места, куда при иных обстоятельствах они никогда бы не добрались.

Четвертая форма – *выездные занятия в рамках научно-исследовательского семинара* (НИС) для магистрантов. Кафедра ведет специализированные НИС по муниципальному управлению на втором курсе магистратуры; эта форма обучения непосредственно связана с подготовкой магистерской диссертации, поэтому мы строим идеологию семинара таким образом, чтобы он являлся основой для получения эмпирических материалов диссертации. Выездные занятия являются продолжением НИС не в аудитории, а в поле. Как правило, такие семинары мы проводим в Угорском стационаре (там их прошло уже пять), но нередко – в малых городах недалеко от Москвы (Кашин и Бежецк, Нерехта и Кологрив). Поездки непродолжительны – по двое-трое суток, обычно в выходные дни с захватом рабо-

чей пятницы (почти все магистранты работают, и им нужно отпрашиваться с работы). Ездят в такие поездки компактные группы студентов не более 6–10 человек. Если в это время мы живем в стационаре, то готовим сами и используем свой транспорт, если выезжаем в город, то живем в гостинице, питаемся в кафе и всухомятку, используем общественный транспорт. Студенты ездят частично за собственный счет, частично – за счет средств фонда кафедры (то есть за счет средств, заработанных преподавателями и переданных на общественные нужды). В таких поездках главное – быстрый целенаправленный сбор материала для диссертации и семинары, ориентированные на первичный анализ и обобщение таких материалов, а также на технические вопросы подготовки диссертации. Поскольку специализированные кафедральные НИС являются сравнительно недавней формой учебной работы, выездных занятий проведено всего с десяток. Однако опыт таких поездок показывает, что они весьма полезны для магистрантов как с эмпирической и методологической точек зрения, так и эмоционально: студенты в магистратуре обычно разобщены, встречаются только на занятиях, а опыт совместной жизни, даже и гостиничной, делает из них команду.

Наконец, пятой формой обучения являются сугубо *исследовательские поездки* – студенты и аспиранты вместе с преподавателем ездят в рамках полевых исследований преподавателей и выполняют вспомогательную работу, собирают материал для проекта, и одновременно – для своей работы. Такие поездки финансируются из средств грантов, выделяемых преподавателю-ученому частными, университетскими и специализированными государственными фондами (например, в нашем случае – это фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», Научный фонд НИУ ВШЭ, Президентский фонд поддержки социальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и некоторые другие). Преподаватель привлекает к работе по своему проекту студентов и аспирантов, специализирующихся на кафедре. Как правило, это уже не большие учебные группы, а отдельные студенты или группы по 3–4 человека. Учебная работа совмещается здесь с исследовательской, а само обучение имеет индивидуальный характер. Мы начали такие выезды еще в 2006 году при осуществлении проекта фонда «Хамовники» по изучению бедности в России (2006–2008), к которому были привлечены семь исследовательских групп из крупных городов; студенты участвовали почти на всех этапах исследований, но лишь в качестве наблюдателей. Затем такая «участвующая» деятельность была расширена, и в последующих проектах студенты обучались выполнять все компоненты полевого исследования и активно участвовали на этапе обсуждения результатов, а частично даже при подготовке публикаций. Все эти проекты в последующем завершились публикациями монографий и статей: исследование взаимодействий населения, власти и местного бизнеса, поддержанное президентским грантом 2009 года, исследование взаимодействия активного населения и власти в 2012–2013 годах (при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ), исследования системы муниципального здравоохранения в 2010–2013 годах, отходничества в малых городах в 2011–2014 годах, провинциальной социальной структуры в 2011–2015 годах (все три проекта были поддержаны фондом «Хамовники»).

Как мы уже говорили, масштаб полевых работ значительно превзошел наши ожидания. Если вначале мы планировали всего одну-две поездки для всех наших студентов в течение учебного года, то очень скоро вынуждены были пойти на поводу у студенческого азарта: многим из студентов сразу и навсегда пришлось по душе выездные занятия, и нам пришлось изыскивать разные источники средств для обеспечения поездок. Желание студентов пришло в согласие с нашими преподавательскими установками необходимости практического освоения полученных знаний, и мы перешли к почти обязательным для каждого преподавателя кафедры выездам со студентами в рамках читаемого им курса. Поскольку участие в таком деле приняли все преподаватели, а курсов на кафедре читается немало, число поездок быстро увеличивалось и к настоящему времени, спустя почти десятилетие, оно приближается к сотне (можно бы посчитать и точно, все такие мероприятия зафиксированы в базе данных лаборатории, но это уже не столь существенно). За эти годы обследованы сотни муниципалитетов (порядка трехсот) и столько же сел, малых городов, районов. Мы проехали со студентами почти по пятидесяти регионам повсюду в стране – от Псковской области до Бурятии и от Мурманской до Краснодарского края и Дагестана.

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

Ответы на этот вопрос в основном уже есть в сказанном ранее. Экспедиции – это научно-учебные мероприятия. В разных указанных выше формах (видах экспедиций) соотношение исследовательских и образовательных целей разное; описание видов наших экспедиций приведено в последовательности, в которой в первых видах доминируют образовательные цели, а в последующих – исследовательские.

Экспедиции в образовательном процессе – ключевой компонент. Знания в наше время могут быть легко получены из самых разных источников: все преподаватели уже давно столкнулись с проблемой проверки своей компетентности во время лекций со стороны дотошных студентов, отслеживающих все излагаемое с помощью интернета в непрерывном режиме. Даже если все передаваемые знания оригинальны (а иное, по нашему мнению, допустимо в средней школе, но никак не в университете), они легко могут быть тиражированы; давно забыта ситуация, когда на любом факультете классического университета был всего один учебник, и эта ценная книга приковывалась цепью к кафедре. Поэтому основу обучения должны составлять не знания в традиционном понимании, а те навыки и умения, которые позволяют студенту научиться не только рисовать корабли, но и строить их. По книгам такому не научишься. Нужен мастер, учитель, чтобы показывал, как правильно держать топор, чтобы срубить корабль, и как планировать его форму, чтобы корабль поплыл. А все это – только в реальной практике. Тем более в исследовательской практике, где самое важное – научиться изучать. (А ведь нынешних студентов приходится учить даже тому, как в поле мыть посуду и ходить на горшок – и этому научить призвана тоже экспедиция).

4. Охарактеризуйте методику проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

Кажется, ответ на этот вопрос мы исчерпывающе дали выше.

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

Кордонский:

В ходе полевых исследований я нарабатывал педагогический опыт, так как, в отличие от Ю.М. Плюснина, до работы в Вышке занимался преподаванием ситуативно. И конечно, просто приятно, когда видишь, как в ходе полевых исследований раскрываются студенты, демонстрируя свои человеческие и исследовательские качества, подавляемые в ходе обычного учебного процесса. Студенты учатся задавать вопросы, и на многие их вопросы у меня не бывает ответов. Что служит хорошим стимулом для собственных исследований.

К сожалению, НИУ ВШЭ не очень дружелюбна ни к образовательным, ни к научным инновациям, если они не воспроизводят какие-то импортированные образцы. Если бы не содействие фонда «Хамовники», вряд ли мы смогли бы проводить так много полевых работ и привлекать к ним столько студентов.

У меня есть небезосновательное опасение, что сегодняшние организационно-структурные преобразования в вузе еще больше затрудняют реализацию тех форм исследовательского и образовательного процесса, которые возникли на кафедре местного самоуправления в последние годы. Кроме того, мы стареем и не можем – в силу вузовских ограничений – брать на кафедру наших собственных выпускников на замену себе. Так что не исключаю ситуацию, при которой через некоторое время наша активность в этом деле сама по себе сойдет на нет.

Плюснин:

Хотя мой преподавательский стаж уже 33 года, но именно опыт таких поездок убедил меня, что только так и во время таких совместных работ и можно стать настоящим учителем, а не просто преподавателем. Причем учителем и по жизни: ведь вечерние семинары плавно перетекают в ночные посиделки у костра, где студенты, слушая байки о юных годах препода, усваивают и прозу жизни, и задумываются о стратегии выстраивания собственной жизни. Да и сам ты в такие моменты чувствуешь себя не бесполезным университетским профессором, а это льстит.

Пока прошло менее десяти лет и проведена только первая сотня поездок, чувствовать себя удовлетворенным рано. Возможно, что это скоро приестся, особенно, если в составе студенческих групп будет все больше и больше бестолочей. А таких немало. Я на своем опыте убедился, что даже в Вышке не менее половины обучаемых – это образовательный шлак, мы без толку тратим на них силы и время.

Но даже минимальный выход продукта успокаивает: если из трех сотен обученных студентов хотя бы три десятка будут представлять собой ценных специалистов, это уже превосходный результат.

Из тех корректив, о которых я мечтаю, я бы упомянул одну экстремальную: процесс обучения студентов в каждом учебном курсе должен сопровождаться практической работой с участием преподавателя-учителя, но нужно, чтобы такая деятельность всячески поддерживалась университетом, притом в разнообразных формах.

FIELD RESEARCH TRAINING IN THE DEPARTMENT OF LOCAL ADMINISTRATION, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY— HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

Simon Kordonsky, Juri Plusnin

Simon Kordonsky is Professor and Head of the Department of Local Administration, School of Public Administration, Faculty of Social Sciences at the National Research University—Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 20, Moscow, 101000, Russia. kordonsky@hse.ru.

Juri Plusnin is Professor in the Department of Local Administration, School of Public Administration, Faculty of Social Sciences at the National Research University—Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 20, Moscow, 101000, Russia. jplusnin@hse.ru.

The article's authors describe their experiences organizing and conducting field research training of National Research University—Higher School of Economics students over the course of 10 years. Field expeditions are defined by the exposure they give (metropolitan) students to the phenomenology of provincial everyday life. The methodology used is grounded in the principals of qualitative social research. Methods used for the direct ("naive") observation and description of the features of local public life include case studies, unstructured interviews, and situational conversations with local people.

The authors describe five kinds of field expedition practices that they have developed for students: (1) visiting training seminars in addition to the authorized course; (2) field research incorporated into academic study practices; (3) retreats as part of research seminars; (4) summer school expeditions; and (5) sociological research expeditions.

Keywords: Research and Training Expeditions; Fieldwork; Phenomenology of Everyday Life; Local Communities; Local Self-Government